

**ЖИТИЙНАЯ ИКОНА ГРИГОРА ЛУСАВОРИЧА
ИЗ СОБРАНИЯ РУССКОГО МУЗЕЯ**

А. Я. КАКОВКИН (Ленинград)

В 1913 г. в Русский музей поступила большая коллекция византийских и русских икон из собрания академика Н. П. Лихачева. В числе этих памятников была русская житийная икона просветителя Армении св. Григория (Григора Лусаворича) (рис. 1)¹. Упоминание об этой иконе и воспроизведение ее встречается лишь дважды: в исследовании ее бывшего владельца² и в статье К. В. Айвазяна «Культе Григория Армянского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII—XVI вв.)», в которой автор высказал предположение, что икона датируется XVII в. и происходит из Новгорода³. Между тем этот памятник несомненно заслуживает более пристального внимания и отдельной публикации. Ему и посвящена данная работа.

Композиция интересующей нас иконы традиционна для христианских памятников станковой живописи с житийными сценами: в среднике изображен персонаж, которому посвящена икона, а вокруг этого изображения, в клеймах, представлены сцены, иллюстрирующие отдельные эпизоды его подвижнического жития. В среднике иконы (19×14,5 см; рис. 2) Лусаворич изображен в обычном типе святителя. Он представлен в рост, повернутым к поколенному Спасу в левом верхнем углу, в образе старца, с длинной бородой клином, с обнаженной головой, с нимбом. На нем крестчатая фелонь и темно-синий подризник, омофор белый с черными крестами. В руках святого закрытая книга в драгоценном окладе⁴. Над его головой надпись: «с[вятой] свешен[ник] Григори[й,] просв[етитель] Армени[и]». Благословляющий Григория Христос представлен на фоне голубо-зеленого облачного неба. В левой руке он держит свиток. Нижнюю часть средника, почти четверть его, занимает зеленоват-грязного цвета позем с травами.

Вокруг средника—шестнадцать клейм со сценами жития святого и чудес. Размеры клейм: пяти верхних и пяти нижних—5,5×7,5 см, боковых—6,5×6,5 см. Восемь клейм имеют на полях (ширина—3 см) исполненные скорописью, черной краской русские пояснительные надписи, к сожалению, в большинстве случаев плохо сохранившиеся.

¹ Ленинград, Гос. Русский музей, ДРЖ, № 779 (ст. инв. № 2277). Размеры: 41×32,5 см. Доска с неглубоким ковчежцем. Две врезные встречные шпонки. Левкас, темпера.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. II. СПб., 1906, табл. ССLXVII, № 494.

³ Сб. Русская и армянская средневековая литературы. Л., 1982, с. 265, илл. на с. 266.

⁴ Это изображение Лусаворича полностью соответствует описаниям его облика в «Иконописных подлинниках» и «Лицевых святцах» XVII в. См., напр., Лицевые святцы XVII в. Никольского единоверческого монастыря в Москве. М., 1903, с. 3: «Св. Григорий, епископ Великой Армении, сед, риза, омофор и испод белой вохры, на омофоре кресты черные, евангелие и епитрахиль золотые...»

Даем перечисление клейм (в последовательности слева направо и сверху вниз) и сопровождающие их надписи.

1. Григорий предстает перед царем. Слева на троне сидит Трдат, к нему подводят святого, по сторонам от которого два юных стражника. Фон—палаты. Над клеймом, на поле—четыре строки надписи: «Его же приведе начати...|... и томит|и ...и...ить|...»

Рис. 1

Рис. 2

2. На фоне гор Григорий изображен дважды. Слева святой в исподнем привязан к столбу. Справа—он же в богатых одеждах, со связанными руками стоит в фас в окружении двух юношей. Двухстрочная надпись над клеймом сохранилась плохо: «Повеле связати на опаки(?) | ...в уста вложить...»

3. Григорий снова предстоит перед царем. Трдат сидит слева и обращается к стоящему в окружении вельмож Григорию. Фон—палаты (рис. 3). Трехстрочная надпись на поле, над клеймом, сильно пострадала: «Повеле царь привести|пред...|...[ц]арь».

4. Обнаженный Григорий висит вниз головой на столбе. По сторонам две группы молодых мучителей, избивающих святого кнутами. Справа внизу—коленипреклоненный бородатый мужчина, протянувший молитвенно руки к Лусаворичу. Фон—горы (рис. 4). Четыре строки надписи на поле сохранились не полностью: «Повеле его едину ногу|повесить и стегать|...злосмрадная|...»

5. Обнаженного Григория четверо истязателей (двое юношей и два средовека) придерживают, правый с молотком в левой руке. Фон—горы. Четырехстрочная надпись над клеймом читается: «Царь повеле...|принести гвозди, в ноги|ему бити, влачити с|...»

6. Обнаженный Григорий лежит влево. Двое стоящих за ним молодых мучителей держат веревку, пропущенную под телом святого. Слева—юноша сыплет соль в нос Лусаворичу. Фон—горы и городская стена. Надпись в шесть строк на поле, слева от клейма: «Повеле принести|соли|...|и вложить|...в ноздри|лити».

7. Григорий вновь предстает перед царем. Слева восседает Трдат. Перед ним святой между двух юношей. Фон—палаты. Пять строк плохо сохранившейся надписи на поле справа от клейма: «[По]веле предста|ти ему пред|...|...его|...»

Рис. 3

Рис. 4

8. Привязанного к столбу полуобнаженного Григория два мучителя истязают скребницами. Истязатель слева молод, справа—бородатый. Фон—горы. На поле, левее клейма надпись в четыре строки: «Повеле его|[б]нть у столба|и железными|рогати[нами]».

9. Григорий перед царем. Трдат сидит слева, отвернувшись от обращаемого к нему святого. За Григорием двое юношей. Фон—репрезентативный трон и городская стена. Трехстрочная надпись на поле, справа от клейма: «[По]ве[л]е царь|представит[ь]|пред...»

10. Григория опускают в ров. Обнаженного святого двое слуг опускают на веревках в яму, кишашую змеями, скорпионами и проч. Левый мучитель бородатый, правый молод. Фон—горы. Слева от клейма, на поле надпись в шесть строк: «Повеле свя|[з]ать по руце|...пас|ти в яму, пол|[ную]ядовитых|[з]мие[в]».

11. В этой сцене Лусаворича нет. Справа в богатой колеснице скачет влево Трдат. Слева внизу, в языках пламени сидит на корточках, сжав голову руками, царь. Перед ним трое коленопреклоненных мужчин, простирающих руки к сошедшему с ума владыке. Фон—горы. Семистрочная надпись на поле правее клейма: «Яко же|...у[г]нал|колесницу зап|ряженом в яс|... зол[оченые]|и нача[л]бесить|ся».

12. Явление сестре царя ангела во сне. Справа возлежит на ложе сестра царя Хосровидухт в короне; над нею склонился ангел (над его

головой надпись: «а[и]г[е]л г[оспо]д[е]н[ь]»). В левом нижнем углу сестра царя беседует с группой вельмож. Фон—палаты. На поле, левее клейма шестистрочная плохо читаемая надпись: «[Се]стра ц[а]ря | ... | ... | ... в[и]дение | .. | ...»

У трех последующих клейм надписи стерлись, но сюжеты угадываются вполне определенно.

13. Григория достают из рва. Сидящий в кишащей гадами яме обнаженный Лусаворич молитвенно воздел руки. На краю ямы, слева и справа, две группы мужчин, склонившихся к святому. Фон—горы (рис. 5).

14. Народ молит Лусаворича освободить страну от проклятия. Святой стоит, молитвенно обращаясь к деснице Спасителя, выступающей из сегмента слева вверху. Перед Григорием четверо коленопреклоненных мужчин, олицетворяющих народ. Фон—горы и город, окруженный стеной.

15. Григорий устраивает мученически погибших рипсимянских дев. Над саркофагом, на фоне церкви, склонились Лусаворич (слева) и трое мужчин (справа).

16. Поставление Лусаворича в архиепископы. На фоне церкви, под многолопастной аркой (долженствующей обозначать, что действие происходит внутри) Леонтий Кесарийский (справа) и диакон (слева) держат над согбенным Григорием развернутый свиток с семистрочной нечитаемой надписью (рис. 6). На поле, справа от клейма пояснительная надпись в четыре строки: «[По]ставлени[е] | в архиеписко|пы с[вя]того Гри|гория».

Рассматривая клейма иконы, невольно обращаешь внимание на то, что в них преобладают сцены мучений и чудес и нет сцен «исторических», иллюстрирующих утверждение институтов христианства в Армении. Факт примечательный, если соотнести его с армянскими памятниками, например с житийным циклом Лусаворича в росписях храма Тиграна Оненца (1215 г.) в Ани, где из шестнадцати сцен «историческим сценам» отведено значительное место: видение Григория, выезд царей и вельмож навстречу Лусаворичу, встреча Григория с Трдатом в Багаване, крещение царя и его приближенных, рукоположение Лусаворичем в сан первых двенадцати армянских епископов, просьба царя вернуться Лусаворичу к царскому двору, Григорий в пещере Ман, где он окончил свой подвижнический путь⁵; или в армянских храмах (XVII в.) в Новой Джульфе⁶.

В то же время, при довольно ограниченном количестве клейм на интересующей нас иконе несколько раз повторяется с незначительными вариациями один и тот же сюжет—Григорий перед царем Трдатом. Нам кажется, что такой прием объясняется не только прямым следованием тексту жития, но может указывать на глубокую связь с народной традицией, основывающейся, вероятно, на произведениях фольклора—сказках, песнях и проч. с их стереотипными героями, ритмическими повторами. Одновременно таким приемом наглядно представляется причинная связь последовательности развития событий, показывается, что виновник злоключений Лусаворича—Трдат, и демонстриру-

⁵ А. Я. Каковкин. Житийный цикл Лусаворича в храме Тиграна Оненца 1215 г. в Ани (состав, иконография, художественные и технические особенности).—Вестник Ереванского университета. 1985, № 2.

⁶ O. Avédissian. Peintres et Sculptures arméniens du 19es siècle a nos jours. Le Caire, 1959, p. 115; J. Carswell. The Armenian Churches and other Buildings. Oxford, 1968, pl. III, 47, 49, 67.

ется, во-первых, упорство Григория в отстаивании своих убеждений и, во-вторых, помощь, оказываемая богом своим приверженцам.

Фонем в восьми клеймах служат лещадчатые горы, вероятно как напоминание о далекой горной Армении. Сцены в остальных восьми клеймах разворачиваются на фоне архитектурного стаффажа. Эти архитектурные кулисы символизируют либо город (клейма 6, 14), либо дворец (клейма 1, 3, 7, 9, 12), либо церковные постройки (клейма 15, 16). Естественно, что эта архитектура не имеет ничего общего с зодчеством Армении и близка архитектурным фонам в памятниках древне-

Рис. 5

Рис. 6

русской живописи. Как правило, действия в клеймах строятся так, что стаффаж как бы замыкает их. Каждое событие превращается в самостоятельную, замкнутую в себе композицию, имеющую независимое значение и как бы не связанную с соседними. Однако «строкообразное» расположение клейм (слева направо) и повторяемость в большинстве из них главного героя—Лусаворича—напоминают, что эпизоды сменяют друг друга, развиваются во времени. На это же указывает и изменение облика Григория: на верхних клеймах, иллюстрирующих ранние события, он средовек, на средних и нижних—с длинной, чуть короче, чем в среднике, бородой. Апогеем его жестоких испытаний и славных деяний является образ в среднике—предстояние перед благословляющим Спасителем.

Несколько наблюдений чисто формального характера. На клеймах нашей иконы поименован только главный герой—«с[вя]тый Григори[й]». Сцены в клеймах построены свободно и лаконично; как правило, они малолюдны и не перегружены деталями. Похоже, что масте-

ра преследовали цель по возможности нагляднее представить события. И эта особенность может свидетельствовать об ориентации иконописцев на какие-то ранние образцы, скорее всего миниатюры. Художники широко пользовались «светами», выделяя ими детали изображений (особенно лиц, лещадок). В убранстве иконы использовано много золота: золотыми движками оживлены короны царя, его сестры, детали богатых одежд и архитектуры, нимбы. Судя по отвалившимся кусочкам красочного слоя и олифы, фон иконы первоначально был золотой. Пояснительные надписи вторичные (по-видимому, повторяют первоначальные), их нанесли позднее, после перекраски светло-коричневой краской полей иконы и покрытия всей доски густым слоем олифы. Олифа привела к некоторому изменению цветовой гаммы иконы, «замутнению» цветов. Эти обстоятельства мешают точно датировать памятник и локализовать его. К. Айвазян относит икону к XVII в. и связывает ее происхождение с Новгородом. Однако для житийных икон этого столетия характерны обстоятельность и последовательность повествования, максимальная насыщенность сведениями о персонаже, яркая красочность. В нашей иконе как раз все наоборот. Относительно новгородского происхождения памятника трудно что-либо возразить, как, впрочем, привести доводы в пользу такового. Учитывая особенности трактовки архитектуры, характер орнаментики, колористический строй иконы, полагаем, что ее можно отнести к концу XVI—началу XVII вв.

В заключение остановимся на главной концепции очень насыщенной интересным фактическим материалом цитированной работы К. Айвазяна. Похоже, что автор под «арменской ересью» подразумевает движение тондракийцев в Армении, павликиан в Византии и на Балканах, и как преемников тондракийцев и павликиан воспринимает стригольников на Руси. В частности, в Новгороде он видит «внутреннюю связь между почитанием армянского святого и движением еретиков» (с. 273)—стригольников. Эту точку зрения К. Айвазян настойчиво отстаивает в целом ряде своих работ (см. с. 256).

Нам кажется, что посылки эти ошибочны. В одной из своих работ я высказался по этому вопросу⁷, здесь хочу добавить следующее. Участников упомянутых социально-политических движений мы знаем как борцов против устоев феодального государства и официальных институтов церкви, однако мы почти ничего не можем сказать наверняка об их отношении к Григорию Лусавричу. К тому же эти движения охватывали длительный временной отрезок и огромные территории; естественно, они различались социальным составом, а значит и довольно разными устремлениями. Нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что если преемственность между павликианами и тондракийцами еще ощутима, то «привязывать» к ним стригольников просто невозможно: в 872 г. Василий I нанес сокрушительное поражение павликианам⁸, в первой половине XI в. были разгромлены тондракийцы, стригольничество же приобретает массовый характер в Новгороде и Пскове лишь во второй половине XIV—первой половине XV вв.

По нашему мнению, популярность Лусаврича в христианском мире объясняется другими причинами. Православие—будь то в Византии, Болгарии, Сербии, Грузии или на Руси—терминами «арменская вера»,

⁷ А. Я. Какоевкин. Страница армяно-византийских отношений в IX веке (о причинах популярности Лусаврича в Византии).—Вестник Ереванского университета. 1982, № 1, с. 134—137.

⁸ Поэтому странно читать у К. Айвазяна (с. 360), что павликиане представляли основную силу антифеодальных движений в Византийской империи в IX—XII вв.

«арменская ересь» обозначало в конечном счете приверженность армянской церкви к монофиситству, т. е. отстаивание ею догмата о единой—божественной сущности Христа, догмата, окончательно сформировавшегося в V в. Личность Григория Лусаворича—человека, с именем которого связывается утверждение христианства в Армении и у других народов Кавказа в начале IV в.,—по мнению сторонников диофизитства—православных, не имела никакого отношения к еретическим (с их точки зрения) воззрениям на природу Христа и ряд других не столь существенных вопросов, будораживших и по сию пору волнующих христианский мир. В глазах греков, грузин, болгар, сербов, русских и др. равноапостольный Григорий Армянский, живший во времена вселенского согласия церквей, был одним из основоположников и столпов истинного христианского вероучения и непререкаемым авторитетом в вопросах веры. В основном этим и объясняется его широкая популярность в христианском мире, в частности на Руси. Заинтересовавшая нас русская икона с изображением Лусаворича и сценами из его жития служит еще одним наглядным подтверждением того.

**ԳՐԻԳՈՐ ԼՈՒՍԱՎՈՐԻՉԻ ՎԱՐՔԱԳՐԱԿԱՆ ՍՐԲԱՊԱՏԿԵՐԸ
ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԹԱՆԳԱՐԱՆԻ ՀԱՎԱՔԱԾՈՒՅՑ**

Ա. Յա. ԿԱԿՈՎԿԻՆ (Լենինգրադ)

Ա մ փ ո փ ո մ

Հոգիվածը նվիրված է ռուսական մի սրբապատկերի, որի վրա կենտրոնում նկարված է Գրիգոր Լուսավորիչը, իսկ եզրերում՝ դրվագներ նրա վարքից: Տալիս ենք բոլոր պատկերների մանրասան նկարագրությունը, ճշտում ենք սրբապատկերի ստեղծման ժամանակը՝ XVI դարի վերջ—XVII դարի սկիզբ: Վերջում հանգամանորեն անդրադարձել ենք քրիստոնեական աշխարհում Գրիգոր Լուսավորչի պաշտամունքի տարածման պատճառներին: